

Наталья Жукова родилась 15 ноября 1973 г. в г. Челябинске, окончила инженерно-строительный факультет Южно-Уральского государственного университета, работает директором по экономическому развитию в строительной организации.

С детства увлечена литературным творчеством. Автор прозаических эссе, рассказов, новелл. Чувства, эмоции людей, их отношения, любовь, близость, материнство — мыслями об этом она делится с читателем в своих произведениях. Публиковалась в литературных альманахах.

Победитель международного литературного конкурса-фестиваля «Русский стиль — 2013», Германия. Член Международной гильдии писателей.

Наталья Жукова

Белое сухое от Клауса Мюллера

Отрывок

Существуют в пути повороты, суть которых я никак не могу понять, хотя всю жизнь, кажется, скольжу по их изогнутым хребтам.

Уоллер Роберт Джеймс,
«Мосты округа Мэдисон»

После изумительной форели, тающих во рту пирожных, двух бутылок вина и приятных непринуждённых разговоров кокетничающая весь ужин Людмила вызвалась сложить тарелки и приборы в посудомоечную машину, а Мари и Клаус вышли на заднее крыльцо и присели прямо на деревянные ступени. Дождь закончился. Покрытые лесом вершины Шварцвальда были видны на фоне темнеющего неба чётко как никогда.

— Была ли ты когда-нибудь влюблена, Мари? — тихим голосом спросил Клаус.

— О, много раз! Но всегда — несчастно. Первый раз ещё в детском саду, каждое утро я приходила туда, садилась в угол комнаты на свой маленький стульчик, наблюдала, как мой избранник играет с другими детьми, и страдала. Потом, когда мне было одиннадцать, в мальчика из соседнего дома, он не обращал на меня внимания, а я смотрела из окна, как он идёт в школу в своей голубой куртке, и писала ему письма с признаниями, которые так никогда и не отправила. А ты, Клаус?

— Да, был. Один раз. Но мне повезло — тогда я думал, что это была взаимная любовь. Она была француженка, парижанка. Три года она была моей женой. А потом мы расстались, потому что она изменила мне с моим другом.

— Как её звали?

— Я не могу сказать, Мари, пусть это будет моей маленькой тайной.

— А я и сейчас влюблена.

— Правда? И кто он?

— Он учится со мной в одном классе.

— Почему ты думаешь, что любишь его, Мари?

— Он самый красивый парень, которого я когда-либо видела. У него карие глаза, мне кажется, кареглазые люди умнее остальных. А его глаза ещё очень добрые. По-моему, это важно! Ты так не считаешь?

— Считаю. Что ещё в нём хорошего?

— Он самый умный из моих знакомых и бежит быстрее всех в нашей школе.

— А он? Он любит тебя?

— Нет.

— Откуда ты знаешь? Ты говорила с ним об этом?

— Нет. Я просто переспала с ним!

— Что?!! Переспала?!!

— Тсс! Клаус, только не говори моей маме! Она не должна этого знать! Он любит другую, я знаю точно. Она учится в классе на год старше, она такая же умная и красивая, как он. Он хочет с ней встретиться. Это все знают.

— Подожди, ты знала, что он хочет встречаться с другой, и переспала с ним? Это был твой первый раз?

— Да.

— Зачем ты это сделала, Мари?

— Потому что я люблю его так сильно, что задыхаюсь, когда смотрю на него, так, что когда он улыбается, мне кажется, во мне включаются тысячи фонариков и их свет переполняет меня. Ты понимаешь, о чём я?

— Понимаю. И как всё это случилось?

— О, это было чудесно! Мы со школьными друзьями были в лесном лагере. Вечером мы танцевали, и, когда заиграла медленная музыка, он оказался

рядом со мной. Я улыбнулась ему, и он пригласил меня. Он обнял меня и прижал свою грудь к моей груди, а я положила руки ему на плечи, потом он поставил свою ногу между моих ног, и мы стали синхронно двигаться, в такт песне.

— Что это была за песня?

— Это старая, Guns`n`Roses, November Rain.

— Я помню её, красивая... И что потом?

— Потом мы пошли в лес, он постелил на землю свою куртку... на ней всё и произошло... Теперь он не отвечает мне на электронные письма, я написала уже восемь...

— Так зачем ты сделала это, Мари? Если была уверена, что он не любит тебя.

— Это неважно. В тот вечер мне было так хорошо, как не было никогда, а может, уже и не будет.

— Как его зовут?

— Я не могу сказать, Клаус, пусть это будет моей маленькой тайной. Как ты думаешь, Клаус, ты такой старый, могу я сделать что-нибудь, чтобы он полюбил меня?

— Конечно.

— Скажи правду, Клаус, я думаю, ты знаешь её!

— Правду? Я боюсь тебя разочаровать, Мари.

— Не бойся, Клаус.

— Нет, не можешь. Нельзя заставить другого человека любить. Можно сделать его зависимым разными способами: деньгами или специальными приёмами, действуя на его психику и подсознание, или вызвать сексуальное желание — для этого тоже существует много способов, но заставить полюбить по-настоящему, так, чтобы внутри загорались тысячи фонариков, чтобы задышаться, — невозможно, как бы ты ни старался. У любви много причин: и психологические, и физиологические, но есть что-то ещё... эту тайну люди пока не раскрыли. Ты понимаешь, что не должна была мне всего этого рассказывать, Мари?

— Понимаю.

— Тогда почему ты рассказываешь?

— Мне хотелось рассказать это тебе, Клаус. Почему? Я думаю, эту тайну люди пока не раскрыли.

— Мари! Ты не представляешь, насколько ты поражаешь меня. Я думаю, ты самая умная и мудрая женщина из всех, кого я знал. А я прожил долгую жизнь и знал очень много женщин.

Клаус обнял Машу за плечи, притянул к себе и нежно поцеловал в щёку. Сердце его разрывалось так, как никогда до этого момента. «Боже, за что ты хочешь убить её? Этот цветок. Этого земного ангела. За что ты посылаешь ему испытания, которые так тяжелы? Могу ли я просить тебя остановить это безумие небес? Могу ли я просить тебя наставить меня в том, как помочь этому ангелу твоему?». На его глаза навернулись слёзы, и он крепко сжал плечо Маши.

— О чём ты думаешь, Клаус?

— Я молюсь, Мари.

— Обо мне?

— Да.

10

Понедельник разорвал жизнь всех троих на две части. Последняя стала называться «Болезнь», а вся предшествующая, казавшаяся теперь безмятежным раем, — «До того, как мы узнали». Диагноз, который назвала молодая доктор отделения болезней крови голосом довольно спокойным и даже слегка ободряющим, был приговором — одна из разновидностей лейкемии. Вылечить её возможно только, если провести трансплантацию костного мозга. Течение болезни непредсказуемо и может ускориться в любой момент. Времени очень мало — не более четырёх месяцев. После этого срока что-либо предпринимать будет уже поздно.

Людмила позвонила Клаусу сама, всё, что она говорила, рыдая, на русском, Клаус понял с точностью до мельчайших нюансов.

— Что делает Маша? — спросил Клаус после известия о диагнозе.

— Она лежит на кровати, отвернувшись к стене, и молчит уже два часа.

— А Вы?

— Варю борщ... У меня встреча с профессором, которая руководит отделением, в четыре.

— Давайте я пойду с Вами, Людмила, — предложил Клаус. — Я смогу и перевести Вам, и в то же время постараюсь вникнуть.

— Пойдёмте, я боюсь одна, — откровенно призналась Людмила. — Правда, мне предоставят переводчицу.

Без четверти четыре они встретились в приёмной фрау профессорши, руководившей детским отделением онкологии и болезней крови.

— Здравствуйте, господа! Госпожа Коренева! Господин, простите?

— Мюллер, Клаус Мюллер, — и Клаус пожал руку женщине лет шестидесяти, невысокого роста, молодой, с короткими вьющимися волосами серого цвета.

— Фрау Коренева, Вы уже знаете, что ваш диагноз — лейкемия. Эта болезнь Вашей дочери весьма опасна, даже чрезвычайно, и единственно возможный способ вылечить её — это трансплантация костного мозга. Возможно, Вы или Ваш муж сможете стать донорами для Марии, возможно, её брат. Если ваша семья не подойдёт, мы подыщем подходящего донора и всё равно сможем провести операцию. В течение месяца после трансплантации девочка будет находиться в изоляции от внешнего мира, потом ещё два месяца носить специальную маску... Подробно Вам расскажут мои коллеги позже, но знайте, всё, что вам предстоит, — это очень нелегко. Стоимость трансплантации, последующего ухода и самого донорского мозга — около полумиллиона евро. Если вы решите лечиться здесь, после того, как вы переведёте на счёт клиники половину вышеназванной суммы, мы можем начинать. Фрау Коренева, я хочу, чтобы Вы знали: риск смерти огромен, но у нас есть надежда, знания и опыт для того, чтобы вылечить Вашу

дочь, — профессор закончила речь и посмотрела на собеседников.

Людмила закрыла лицо руками и вздрагивала, по всей видимости, беззвучно рыдала. Клаус сидел спокойно, но не было ни единого розового оттенка в бледности его лица, даже губы были цвета сигаретного пепла.

— У вас есть какие-то вопросы, господа? — опять обратилась к ним доктор, абсолютно невозмутимо.

Когда они вышли из кабинета профессора, Клаус попросил переводчицу — яркую еврейку лет тридцати, по имени Ольга, задержаться, чтобы поговорить с Людмилой.

— Что Вы намерены делать? Вы остаётесь здесь или всё-таки едете в Россию лечиться? — спросил он рыдающую Людмилу очень серьёзным тоном, даже немного нахмутив брови.

— Я не знаю, я ничего не знаю. У меня нет таких денег, у меня даже задержаться здесь ещё на неделю нет денег. У меня вообще нет денег! У меня ничего нет! — у Людмилы начиналась истерика.

— А что страховка? Потом, можно же продать квартиру Вашу и Машиного отца! Вы должны спасти свою дочь, Людмила! Вы же не можете дать ей умереть!

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Я иду домой. До свидания, — и она почти побежала от него по пустынному коридору клиники.

Клаус развернулся и пошёл обратно в кабинет профессора.

— У меня есть несколько вопросов, фрау профессор, — сказал он тем же серьёзным тоном. — Могу я занять ещё немного Вашего времени?

— Да, пожалуйста. Только позвольте сначала поинтересоваться, почему Вы принимаете участие в судьбе этой семьи?

— Это родственники моей бывшей жены, матери моего сына, — быстро отговорился Клаус заранее придуманным враньём.

— Понятно. Итак, я внимательно Вас слушаю.

— У них недостаточно денег для лечения в Вашей клинике. Как Вы считаете, у девочки есть шанс на выздоровление в России?

— Зная немного современную русскую медицину, думаю — нет.

— А если попробовать лечить их как немцев, по нашей немецкой медицинской страховке?

— Послушайте, господин Мюллер, они граждане другого государства, я не в состоянии найти им деньги на лечение, я государственный чиновник, наша клиника — это государственное учреждение. Если я буду проводить какие-то махинации со страховыми компаниями, я могу сесть в тюрьму. Всё, что я могу сделать для семьи Корневых, — это предоставить им высококвалифицированное медицинское лечение. Мне очень жаль эту девочку, очень, поверьте!

— У них нет таких денег, и им некому помочь, я слышал, у отца ничего не получается с благотворительными фондами.

Фрау профессор подняла лицо с очками в тонкой металлической оправе и пристально посмотрела ему прямо в глаза:

— Так помогите им Вы, господин Мюллер!

На следующий день позвонила Людмила:

— Мы завтра уезжаем домой — будем искать варианты лечения там. Машин отец сказал вчера — с фондами за такой короткий срок ничего не успеть. Он узнавал — его квартиры не хватит даже, чтобы покрыть треть стоимости лечения. Я прошу прощения за Машу — она не хочет ни с кем разговаривать. До свидания, Клаус.

«Мне ничего этого не нужно! Пусть они сами решают свои проблемы! Пусть сами ищут деньги, болеют смертельными болезнями, делают ужасные операции. Я не собираюсь принимать в этом абсолютно никакого участия! Я не буду никому помогать! Тем более каким-то едва знакомым людям! Я хочу спокойно жить в своём доме, работать на своём винограднике и делать своё вино, получая от этого удовольствие, славу и прибыль!» — Клаус сидел на деревянных ступеньках заднего крыльца, там, где ещё два дня назад, до части жизни, называемой «Болезнь», восторженная Мари рассказывала ему о своей любви к какому-то кареглазому русскому юноше...

11

Ничего из желаний, мысленно произнесённых на заднем крыльце своего дома, Клаусу осуществить не удалось. Прошло уже более двух недель со дня отъезда Корневых, но спокойная жизнь в удовольствии так и не вернулась к нему: каждую минуту он ловил себя на мысли о том, что представляет, где сейчас Мари, как себя чувствует, вспоминает ли о нём, что ест на ужин, какую музыку слушает. А по ночам его терзали кошмары: умирающие дети, пустынные кладбища, известия о том, что Мари больше нет, его собственные похороны... Клаус даже посетил психиатра, но получил лишь совет принимать успокоительные отвары на ночь. Однажды он разговорился с Юлией о своих кошмарных сновидениях, от которых каждую ночь просыпался в холодном поту. «Господин Мюллер, я думаю, на Вас навели порчу, кто-то хочет отомстить Вам. У меня есть одна старая родственница, она очень странная и очень старая, но она может помочь Вам, давайте сходим к ней в субботу. Хотите?». Клаус был здравомыслящим современным человеком и не верил в подобную чепуху, но в последние дни кошмары стали абсолютно невыносимы, он уже боялся ложиться в постель вечерами, поэтому и решил воспользоваться предложением Юлии.

В субботу они встретились у одного из этих многоэтажных домов с крохотными квартирами и маленькими окнами, расположенных совсем рядом с железной дорогой, по которой с пугающим шумом пронесся евроэкспресс. Бабка Вера была такой древней, что Клаусу показалось, она покрыта тонким слоем серой сухой земли. Когда Клаус вошёл

в её квартирку с огромным количеством стульев и зеркал, она подползла и взяла его за руку, но тут же, отпрянув, начала на румынском шипеть Юлии какие-то безумные заклинания.

— Простите, господин Клаус, но мы должны уйти, — удивлённо сказала Юлия.

— Почему? Она занята сейчас? Давайте назначим другое время.

— Бабка Вера сказала — она видит свет, сопровождающий Вас, она боится, этот свет может покарать её за её ворожбу. Мы должны уйти.

12

Приближалось Рождество. Удивительная баденская зима грела Фрайбург тёплыми лучами ласкового солнца, словно позабыв о своей обязанности творить снежную рождественскую сказку. Открылись и пленяли ароматами ванильных вафель и имбирных пряников ярмарки, а вечерами улицы наполнялись клокочущей молодой толпой с дымящимися кружечками глентвейна в руках. Мысль о приближении Рождества радовала Клауса только по одной единственной причине — это был прекрасный повод позвонить в Россию.

Клаус составил с помощью переводчика в Google и продумал весь свой разговор с Людмилой до мельчайших подробностей, до оттенков голоса, до тени эмоции, он прокручивал свои вопросы в голове по тысяче раз, но тем не менее, набирая длинный, начинающийся на семёрку номер, безумно волновался, так, что пальцы не сразу попадали в нужную цифру, а дисплей был в капельках от влажных ладоней.

— Алло!

— Здравствуйте, Людмила! Это Клаус Мюллер из Фрайбурга! Возможно, вы меня ещё помните.

— Клаус! Клаус! Конечно, я помню! — Людмила была очень обрадована, и похоже, что звонок Клауса её тоже взволновал.

— Вас с приближающимся Рождеством! Скажите, как Мари? Как она себя чувствует? Вы уже начали лечение? Что говорят вам русские врачи?

— Маша сейчас в больнице, чувствует себя не очень хорошо, хуже, чем в Германии, болезнь прогрессирует. Ей делают поддерживающую терапию — переливания крови.

— А что с операцией? Кто будет донором?

— Донора — родственника среди нас нет. Операцию здесь делать не будут.

— Почему? Вы приедете во Фрайбург? Когда? Вы нашли деньги? Как Вам удалось?

— Операции не будет.

— Людмила, простите, но я ничего не понимаю. Прошу Вас, объясните мне, как и где Вы намереваетесь лечить Мари.

— У нас нет денег, Клаус, мы не сможем её вылечить. Больше я ничего не знаю, — и он услышал в трубке короткие гудки.

«Чудовища! Они что, бросают её одну на поединок с этой ужасной болезнью? Обрезают моего

ангела на смерть? Никчёмные существа! Для чего они живут, если не могут спасти даже собственного ребёнка? Но, возможно, её отец, он всё-таки учёный, возможно, он ищет пути, как помочь своей больной дочери?»

Клаус вновь, но уже с решимостью, набрал номер Людмилы.

— Людмила! Я прошу Вас дать мне номер Вашего мужа. Мне нужно поговорить с ним о спасении Мари.

Сочельник Клаус провёл в одиночестве. Сварив себе кувшинчик красного глентвейна со специально закупленными для него корицей, гвоздикой, мускатным орехом, кардамоном, миндалём и прочими пряностями, Клаус вышел на заднее крыльцо, налил в керамическую кружку своё варево, сел на ступеньки и принялся размышлять.

«Я сижу здесь в сочельник один, и это обстоятельство абсолютно не печалит меня — я люблю одиночество, оно даёт мне возможность прислушаться к себе и понять, чего же я хочу на самом деле. Итак, моя жизнь клонится к неизбежному закату. Я исполнил то, чего хотел долгие годы, — я создал великолепное вино, у меня есть замечательный сын, я успел насладиться всем прекрасным, что есть в этом мире: я видел и величайшие творения человеческих рук — гениальные произведения живописи и архитектуры, и шедевры, созданные самой природой, — снежные горные вершины, грохочущие водопады, джунгли, пустыни, океаны, я слышал самую восхитительную музыку в лучших операх и концертных залах, у меня было множество красивейших женщин. Виват, Клаус! Ты был на вершине мира! Ты прожил потрясающую жизнь! Чего же ты хочешь теперь, Клаус Мюллер, человек, проживший потрясающую жизнь?..»

«...Я сделал всё, что мог, поверьте мне, Клаус. Я обращался во все существующие фонды, я выступал на местном телевидении, я писал Президенту, Биллу Гейтсу, Роману Абрамовичу... Они говорят, что помогают только детским больницам, могут купить оборудование, лекарства, но никто из них не хочет помочь конкретной девочке. Мы рассказали о Маше в газете. Собрали добровольных пожертвователей чуть больше 5 тысяч евро... за месяц. Это всё. Я опускаю руки. Я проиграл», — с отчаянием говорил вчера Клаусу отец Мари.

«Чего же хочешь ты, Клаус Мюллер?.. Через три-четыре месяца Её не станет... И ничего не изменится вокруг: Людмила будет наряжаться в стразы, Её отец — восторженно слушать поэтический бред новой жены, тот кареглазый юноша — танцевать с другими девушками под песни Guns' n` Roses, я — приносиваться к винам и мечтать о чужих радостях... Всё будет как и прежде, да вот только Её прекрасные глаза больше не будут смотреть на этот мир. И где же Твоя справедливость, Господи? Зачем без Неё этот мир? Эти жалкие люди, которые едят, пьют, спят друг с другом и не могут помочь умирающему ребёнку? Зачем им моё вино, заслужили ли они на-

слаждение им? Зачем мне их восхищение? Смогу ли я после того, как не станет Мари, делать вино таким, как раньше? Зачем мне жить его ароматами, если эта удивительная девочка никогда не узнает их? Зачем Ты вёл меня к этому последние месяцы? Зачем Ты дал мне на закате моей жизни этот полностью захвативший меня свет? Зачем заставил мою душу терзаться ненужными в моём возрасте чувствами, если итог так печален? Неужели Ты, Создатель, ошибаешься в этот раз? Не может же быть, чтобы не было смысла во всём этом событийном потоке, конечной цели, назначенной мне миссии?»

«Так помогите им Вы, господин Мюллер!» — отрывисто прозвучал в его голове голос фрау профессора. И вдруг Клаус понял, что именно он должен теперь делать. Вся жизнь его показалась ему дорогой к Этому пониманию, наполнилась смыслом и чёткостью, решимостью и уверенностью.

13

Так и не сомкнув глаз, Клаус с трудом дождался утра. Ровно в девять он позвонил Вайцману:

— Весёлого Рождества, дорогой Карл!

— Весёлого Рождества, Клаус! Рад слышать тебя!

Почему ты не приехал, как мы договаривались?

— Вот сейчас как раз хочу это сделать, можешь ты принять меня?

— Конечно, Клаус, с большим удовольствием! Но сейчас мы не сможем ничего решить насчёт ярмарки — все отдыхают.

— Этого уже и не нужно. Я хочу продать мой виноградник. Можешь найти покупателя?

— Честно сказать, я удивлён. Но то, что ты сотворил там, потрясло меня! Я сам готов купить виноградник. Насколько велика твоя цена?

— Прекрасно! Я думаю, о цене мы договоримся.

Ровно через неделю, уже после новогодней ночи, они встретились с Вайцманом в одном из берлинских ресторанов.

Худой, высокий, всегда безупречно одетый Вайцман в тёмно-синем костюме, белоснежной рубашке и синем в голубую полоску шёлковом галстуке, заказав утку и бутылку собственного вина, сидел напротив Клауса и самодовольно улыбался.

— Я несказанно рад своей удаче. Но прежде, хочу спросить тебя. Что ты задумал, Клаус? Ты нашёл что-то более стоящее? Где? В Эльзасе?

Клаус отрицательно покачал головой.

— Тогда, может, в Провансе? Где? В Италии? — настаивал Вайцман.

— Я не буду больше делать вино, Карл.

— А что ты собираешься делать? О, это становится интересным! — Вайцман потёр свои ладони и наклонился на стол, чтобы лучше слышать Клауса.

— Я должен исправить одну ошибку Создателя, — и Клаус поведал ему историю Мари.

Ошарашенный услышанным Вайцман сделал «Пфф!» своими тонкими губами, потом потёр лоб рукой и внимательно посмотрел Клаусу в глаза.

— Послушай, Клаус, это, конечно, очень благородно, более чем благородно, но... вся эта сопливая романтика со спасением больных русских девочек не для настоящего мужика! Всё, о чём должен думать мужчина, — это успешная карьера! В виноделии ты добьёшься больших успехов, Клаус. Ты уже добился! Зачем тебе эти чужие слёзы и страдания? Ни одна женщина не должна занимать мысли настоящего мужчины более одного часа, мы рождены думать, как добиться первенства в делах, бизнесе, карьере. Мы рождены для того, чтобы изобретать, строить, создавать, двигать вперёд цивилизацию. Вот в чём истинное предназначение мужчин. Подумай о моих словах, Клаус.

— Хорошо, Карл, я подумаю.

— Я предлагаю тебе взять паузу. Отложим пока нашу сделку, — и Вайцман протянул свою узкую ладонь.

Клаус пожал её и ответил:

— У меня нет времени, Карл, совсем нет. Давай завтра займёмся оформлением бумаг, как и договаривались прежде.

14

В середине января в Шварцвальд наконец-то пришла зима. Пушистые снежинки медленно падали, словно потерянные ангелами пёрышки, и, не тая, оставались на мостовых и газонах, накрывая город огромными белыми крыльями.

Прошло не более десяти дней с момента разговора Клауса с Вайцманом в берлинском ресторане, а ровно половина суммы, необходимой для лечения Маши Кореновой, уже поступила на счёт детской клиники Фрайбурга. Сегодня Мари должна вместе с матерью прилететь в аэропорт Франкфурта-на-Майне.

Позавтракав солёными булочками с салями и швейцарским сыром, Клаус прогрел хорошенько свою ауди и направился в аэропорт. Он уже начал понемногу паковать вещи, готовясь к переезду, хотя Вайцман разрешил ему жить в доме на винограднике до весны или даже до того момента, пока Клаус не найдёт себе подходящую квартиру.

В последнее время кошмары отпустили его, он стал спокойно высыпаться по ночам и много думать о своём поступке долгими одинокими днями. Расставание с виноградником давалось ему очень нелегко, тщетность мечты всей его жизни терзала самолюбие Клауса, но в то же время появившееся вдруг внутреннее чувство уверенности в правильности и благородстве своих действий заставляло гордиться собой. Его разрывали противоречия, настроение менялось от полнейшего отчаяния до безумной радости несколько раз в течение дня.

Дорогой до Франкфурта он слушал Машину любимую Адель. «Вот она, жизнь: счастливые молодые девушки, совсем не понимая, насколько они действительно счастливы, влюбляются, страдают, расстаются, снова страдают и живут, живут, чтобы в конце концов, наслаждаясь чувствами, дать жизнь

новым юношам и девушкам и... о, мой бог! Как же всё это прекрасно! И только бедная, милая моя девочка лишена всего этого. За что? Возможен только один ответ — она слишком хороша, слишком совершенна для этого мира. И Он решил забрать её к себе. Возможно, Он прав, возможно, ей будет Там лучше, но... Но как мы все, такие убогие по сравнению с ней, осмелимся жить здесь дальше? Я не смогу... Возможно, я беру на себя гораздо больше, чем мне положено, но по-другому не смогу».

Маша бежала ему навстречу. Настоящая, живая, реальная Маша, увидев взволнованного Клауса в толпе встречающих, ринулась к нему, а добежав и упав в его руки, прижалась к груди и разрыдалась.

— Клаус, мой милый Клаус! Мне так тебя не хватало! Почему ты совсем не звонил мне? Да, впрочем, не говори ничего. Я так рада видеть тебя и... Ты правда, спасёшь меня, Клаус? Только ты, один ты можешь спасти меня, почему?

— Мари! — Клаус обнимал её и прижимал к себе, потом поднял её голову и посмотрел в глаза.

— Мари, ты же знаешь почему — по законам справедливости.

И вдруг сказал:

— Хочешь, раскрою тебе свою маленькую тайну? Помнишь, я рассказывал тебе о своей единственной любви? Знаешь, как было имя той девушки?

— Мне кажется, да... Я знаю. Её звали так же, как ты называешь и меня, — Мари.

15

На следующий день Мари уже была пациенткой палаты отделения трансплантации, лечение

ещё не было начато, пока проводились только необходимые тесты, но, чтобы в случае заражения какой-нибудь инфекцией не потерять время, она была уже полностью изолирована от внешнего мира. Только мать, медсёстры и доктора этого отделения, переодеваясь в специальную одежду в маленькой гардеробной около её палаты, могли теперь зайти к ней. Ещё через три дня обследований на общем консилиуме врачей отделения было принято решение начать, путём воздействия химических препаратов, разрушение собственно костного мозга пациентки Кореновой Марии, 16 лет, Россия, Томск.

Выяснившая подробности у своих докторов и готовая ко всему храбрая Мари объясняла Клаусу по телефону:

— Сначала мне убьют сильными препаратами мой собственный костный мозг, от этого у меня выпадут волосы, ресницы и брови, моя кожа потемнеет и начнёт слезить, как от ожога, меня будет постоянно тошнить, и я стану беззащитной перед любым микробом или инфекцией, потом в мои вены введут мозг донора, и тогда мой организм начнёт бороться с инородным органом, как всегда бывает при трансплантации, — у меня будет температура, слабость, боль во всём теле. Мне нельзя будет выходить из моей комнаты и принимать гостей в течение месяца, а после ещё два месяца носить специальную маску. Но я не боюсь, Клаус, я совсем не боюсь, я знаю, я со всем справлюсь. Страшит неизвестность, а мне всё ясно, и у врачей есть план. Я сама хочу повторять: «Всё будет хорошо!»»